

За окнами учебного корпуса ветви деревьев заслоняли часть яркого солнца, отбрасывая на белую плитку пола резкие, светящиеся тени.

Говорил Нин Си не сказать чтобы громко, но для Омеги, подступившего к Альфе практически вплотную, подобное поведение выглядело невиданной дерзостью. Тем более что этим Альфой был Сун Ицзэ — местная знаменитость.

Словом... пахло сочным скандалом.

Проходившие мимо ученики тут же бросили все свои дела и сгрудились неподалёку, предвкушая зрелище.

Сун Ицзэ растерянно смотрел на то, как Нин Си вцепился в его рукав. Аромат мяты и белого чая, совершенно не сдерживаемый хозяином, бесстыдно и напорливо витал вокруг, обволакивая со всех сторон.

Заметив, что Сун Ицзэ лишь недоуменно хлопает глазами и молчит, Нин Си повторил с нажимом:

— Так ты сможешь взять первое место на вторых пробных?

Сун Ицзэ на мгновение опешил и лишь спустя пару секунд выдавленно проговорил:

—... Смогу...

— Вот и отлично! — Нин Си покровительственно похлопал его по плечу, будто подбадривая. — Обязательно займи первое место, слышишь? Держись, я в тебя верю!

Сун Ицзэ окончательно лишился дара речи.

В коридоре собралась приличная толпа. Ученики с упоением наблюдали за этой сюрреалистичной картиной: незнакомый Омега ни с того ни с сего напутствует бессменного лидера рейтинга сдать экзамен на высший балл. Вокруг мгновенно поползли шепотки.

Сун Ицзэ понятия не имел, какую опять чертовщину затеял этот парень. Он уже собрался потребовать, чтобы Нин Си убрал руки, и напомнить, что Альфе и Омеге не подобает так распускать руки на людях, как до его уха долетели обрывки чужих разговоров:

— Это ещё кто за Омега?

— Неужто парень Сун Ицзэ?

Сун Ицзэ замер. В последнее время подобные словечки звучали вокруг настолько часто, что у него уже голова шла кругом. Впрочем, едва услышав короткое «смогу», Нин Си сам сразу же отпустил его руку.

На лице юноши расцвела ослепительная, обжигающе сладкая улыбка. Сделав шаг назад, он мгновенно развернулся и устремился прочь, даже не подумав задержаться.

— Готовься как следует! — бросил он напоследок уже на бегу.

На месте остались лишь совершенно сбитый с толку Сун Ицзэ и внушительная армия зевак.

Какого черта?..

Вышедший вместе с ним Чжан Циан, проследив за удаляющейся фигурой Нин Си, медленно приблизился к другу и авторитетно изрек:

— А этот мелкий Омега шарит. Изображает недоступность, играет в кошки-мышки...

Сун Ицзэ нахмурился:

— В какие ещё кошки-мышки?

Чжан Циан бесцеремонно закинул руку ему на плечо и с заговорщицким видом пригнулся к самому уху:

— Слышь, брат Цзэ, давай начистоту. Этот Нин Си — твой парень, да? Я никому не скажу, честное слово, могила!

Сун Ицзэ одарил его таким взглядом, будто перед ним стоял законченный идиот.

Но Чжан Циана было не сбить с толку — собственная логика казалась ему железной:

— Я же знаю, ты у нас парень строгих правил, с кем попало так тискаться не станешь! Да я и не обижусь, что ты от меня тайком с кем-то сошёлся. Ну так что, угадал? А?

С мрачным видом Сун Ицзэ сбросил его руку со своего плеча.

Повернув голову к окну, он уставился во двор. Яркие солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны, ложились на парапет золотистыми квадратами, а над ними простиралась безупречная, прозрачно-голубая высь.

Голос Сун Ицзэ прозвучал ровно и глухо — то ли в ответ приятелю, то ли самому себе:

— Бред какой-то.

Вообще-то Нин Си собирался навестить Сун Ицзэ на перемене после обеда. Но когда он спустился к кабинету экспериментального класса, внутри не оказалось ни души. Как выяснилось позже, весь класс утащили на какую-то лекцию, после чего отпустили обедать раньше срока. Так что Нин Си оставалось лишь дожидаться дневных проверочных.

Впрочем, благодаря короткому телесному контакту с Сун Ицзэ за свою безопасность он мог не переживать — во всяком случае, пока никаких неприятных сюрпризов не предвиделось.

После полудня, захватив пенал, Нин Си вместе с людским потоком направился в экзаменационный корпус.

Еженедельные срезы проводились скорее для разминки, поэтому времени на них выделяли в обрез. На тот же родной язык вместо привычных двух с половиной часов давали всего полтора. В таких условиях приходилось строчить ответом первое, что взбредёт в голову, попутно оттачивая навык начертать сочинение на восемьсот иероглифов минут за двадцать три.

Рассаживать учеников заново не стали: для удобства за каждым сохранили то же место, что и на прошлых пробных.

Нин Си пришёл в самый последний аудиторный класс чуть раньше обычного, но знакомые парень-Бета и парень-Альфа уже были на месте.

Усевшись на свое место, он потормошил сидящего впереди Бету:

— Слушай, а можно вопрос?

Тот обернулся. Внешность у парня была свирепая, но характер оказался вполне добродушным:

— Чего тебе? Спрашивай.

Нин Си подался вперёд и непринуждённо поинтересовался:

— Ты на прошлых пробных сколько баллов набрал?

— А, ты об этом? Я уж думал, что-то серьёзное, — Бета оказался парнем свойским и выложил

всё как есть. — В прошлый раз я прямо совершил прорыв: по родному языку девяносто один балл отхватил! Блин, да я вообще едва ли не впервые проходной порог перешагнул. Остальное, правда, так себе... В сумме всего триста сорок шесть вышло.

— А место какое?

— Какое-какое... Семьсот пятьдесят первое, какое ещё, — Бета досадливо хлопнул себя по лбу.
— Я ж изначально по спортивной квоте поступал, а потом спорт бросил. Не моё это — над книжками сидеть.

Нин Си перевёл взгляд на соседнего Альфу:

— А у него сколько?

Парня ничуть не смутил такой допрос:

— А его сам спроси. — Он пнул стул соседа. — Эй, Сяо Сун, ты в прошлый раз сколько наскрёб?

— Чуть больше трёхсот пятидесяти, — вздохнул Альфа. — Опередил тебя баллов на восемь, а поднялся всего на две строчки. Серьёзно, нормальный разброс оценок есть только у круглых отличников и совсем законченных двоечников. А середняки давятся в серединке, воюя за каждые полбалла.

Нин Си понимающе кивнул. Сам он в хвосте рейтинга никогда не плёлся, так что о подобных тонкостях школьного дна слышал впервые.

"Триста сорок шесть баллов — это семьсот пятьдесят первое место. Чуть больше трёхсот пятидесяти — семьсот сорок девятое. Если принять эти «чуть больше» за триста пятьдесят три, то на вторых пробных лучше ориентироваться примерно на триста сорок восемь — так вернее всего".

По его прошлому опыту, вторые пробные всегда получались самыми легкими из всей серии перед итоговыми экзаменами. А значит, когда средний уровень потока вырастет, лучше целить в триста пятьдесят три.

Заметив, что Нин Си глубоко задумался, Бета поинтересовался:

— Слушай, а у тебя-то как результаты?

— У меня? — честно и открыто откликнулся Нин Си. — Двести сорок восемь.

Бета обомлел:

—...

С такой уверенной миной разве что про семьсот сорок восемь рапортовать.

— Так ты, получается, на самом дне? — без всякого зла спросил парень.

Нин Си, словно вкушая прелесть новизны своего положения, ничуть не смутился:

— Да нет, я предпоследний с конца.

— Вообще-то один парень из нашей параллели взял академ, — мягко намекнул Бета. — Так что ты... видать, всё-таки самый последний.

Нин Си поперхнулся. Надо же, оказывается, если тупо сдать чистый бланк, реально можно оказаться самым худшим.

Несмотря на дреды и лихой вид, Альфа в душе был парнем добрым. Он даже попытался найти Нин Си оправдание:

— В тот раз, когда сдавали родной язык, тебе же светильник прямо на голову свалился. Понятное дело, не до учебы было. Нынче лампу убрали, так что напишешь нормально. Или, может, подсобить тебе? Всё-таки Первая старшая школа, как-то несолидно меньше трёхсот наскребать.

Нин Си качнул головой:

— Не надо, сам справлюсь. — Он засучил рукава школьной олимпийки. — Буду работать исключительно своими силами.

Альфа с Бетой переглянулись.

Он сейчас точно про те силы, что выдают двести сорок восемь баллов?..

Вскорости прозвенел звонок. В аудиторию вошел наблюдатель, размашисто мелом вывел на доске предмет и временные рамки, после чего раздал бланки ответов.

Администрация Первой старшей школы выжимала из школьного расписания максимум. Чтобы уложить три предмета в один послеполуденный отрезок, перерывы между срезами сократили до мизерных десяти минут. В экзаменационные дни отменяли даже традиционный дневной сон и вечернее чтение — всё ради непрерывной, доводящей до изнеможения дрессировки. Впрочем, таков удел выпускников. Пусть сейчас все и роптали, пройдут года, и в памяти останется лишь пышная зелень да буйство цветов за окнами аудиторий.

Пробежав глазами задания, Нин Си принялся аккуратно заполнять бланк. Учился он без пробелов по предметам и обладал отличной памятью. И хотя этот мир книги изобиловал странными допущениями, школьная программа, ключевые темы и сами учебники ничем не отличались от тех, что были в его настоящей жизни.

Сдав один за другим три предмета, Нин Си прикинул уровень сложности проверочных. В среднем — умеренно, хотя для отстающих задания наверняка показались мудрёными.

В математике последняя задача с производными оказалась заковыристой: нужно было разобрать кучу частных случаев. Впрочем, берись он за неё в полную силу, потерял бы максимум пару баллов за итоговый ответ.

Английский вышел совсем блеклым — похоже, составители нарочно упростили варианты, чтобы уложиться в сжатые сроки.

А вот родной язык... О, родной язык! Нин Си умудрился за двадцать минут выдать сочинение на восемьсот пятьдесят иероглифов. Тема звучала возвышенно: «Человек или событие, запечатлённое в моей памяти навеки». Впрочем, написал он редкую ахию, заполнив почти всю работу безудержной лестью в адрес проверяющего преподавателя. Чего стоит хотя бы зачин:

«О! Ныне и присно слезы мои непрерывным потоком льются по человеку из моих воспоминаний! О проверяющий учитель, вы — моя незаживающая рана!»

Оставалось лишь надеяться, что проверяющий не станет зачитывать этот шедевр перед всем классом.

День клонился к вечеру. Закат опускался на город, наполняя класс мягким янтарем, а на самом краю небосвода алела полоса пылающих облаков.

Забрав пенал и черновики, Нин Си вернулся в кабинет седьмого класса. Одноклассники наперебой обсуждали только что сданные варианты; некоторые, наскоро сбросив вещи, уже спешили в столовую.

Вечером предстоял ещё комплексный экзамен по естественным наукам, а уже к завтрашнему полудню обещали результаты. Вторая же волна пробных стартовала завтра во второй половине дня и проходила по строгому графику итоговых экзаменов — без вечерних проверок.

Опустившись на своё место, Нин Си достал из стола учебник по биологии: захотелось освежить в памяти пару вызвавших сомнения терминов.

Ху Янцай, только что переступивший порог, выглядел так, будто над ним разверзлись небеса. Он рухнул лицом на парту и запричитал:

— Жизнь кончена... Пролечу я мимо университета, как фанера...

Поплакавшись в столешницу, он наконец повернул голову к Нин Си:

— Одноклассник Нин, пойдём поедим, а? Вечером ещё естествознание сдавать. Надо набивать брюхо до отвала, иначе точно ноги протянем.

Рассудив, что во время экзаменов подстеречь Сун Ицзэ всё равно не выйдет, Нин Си кивнул:

— Ладно, сейчас только дочитаю страницу.

Ху Янцай вдруг расплылся в невероятно трогательной и умиленной улыбке:

— Наконец-то ты взялся за ум! Если стараться, прогресс обязательно будет! — Но тут же снова тяжело вздохнул: — Эх, и всё-таки я до жути завидую твоему парню... Какая же у человека светлая голова! Хотя от его результатов иногда просто мороз по коже. Капец, спасите кто-нибудь...

Нин Си неопределённо кивнул, даже не став оспаривать ярлык «парня». Погружённый в свои расчеты, он аккуратно обвёл жирным кружком номер двадцать три в контрольном листке.

В конце концов, когда гений получает высший балл — это нормально. По-настоящему страшно другое: когда гений филигранно управляет итоговым результатом.